

СЕРГЕЙ ГЛЕЗЕРОВ

ЛЮБОВНЫЕ СТРАСТИ
СТАРОГО

Петербурга

СКАНДАЛЬНЫЕ РОМАНЫ, СЕРДЕЧНЫЕ ДРАМЫ,
ТАЙНЫЕ ВЕНЧАНИЯ И РОКОВЫЕ ВДОВЫ

Всё о Санкт-Петербурге

Сергей Глезеров

**Любовные страсти старого
Петербурга. Скандальные романы,
сердечные драмы, тайные
венчания и роковые вдовы**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Глезеров С. Е.

Любовные страсти старого Петербурга. Скандальные романы, сердечные драмы, тайные венчания и роковые вдовы / С. Е. Глезеров — «Центрполиграф», 2018 — (Всё о Санкт-Петербурге)

ISBN 978-5-227-08262-6

Что может быть банальнее слов «любви все возрасты покорны»? Тем не менее книга именно об этом. Не выступая ни в коем случае ни судьей, не давая никаких моральных и нравственных оценок, автор знакомит читателей с сердечными событиями прошлых веков. Теми, которые в силу различных обстоятельств оказались известными широкой публике, нашли свое отражение на страницах прессы, книг, воспоминаний... Какие эпизоды собраны в книгу? Самые разные. Любовные треугольники и семейные драмы, эпатажные амурные приключения, неразделенные чувства, сбежавшие невесты, тайные венчания, роковые вдовы и мужья, дуэли ради защиты чести возлюбленной, всякого рода нежелательные происшествия... В XIX – начале XX века Северная столица пережила настоящий разгул «эротических страстей». По сравнению с этим все как будто отступало на второй план – и кровавые вихри первой революции, и холерные эпидемии, и светские скандалы, и политические интриги... Эта книга – попытка собрать вместе любовные истории, так или иначе связанные с городом на Неве... Здесь и великосветские истории, и хитросплетения судеб царствующего дома Романовых, и истории из жизни «веселого Петербурга».

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-08262-6

© Глезеров С. Е., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие	8
Вступление	10
Семейный вопрос	10
На «этажах» сословной монархии	16
Времена и нравы	24
О стойком стрельце и комендантской дочке	24
Дуэль за честь Екатерины	28
Пистолеты, свинец и дробь...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Евгеньевич Глезеров
Любовные страсти старого Петербурга.
Скандальные романы, сердечные драмы,
тайные венчания и роковые вдовы

© Глезеров С.Е., 2018

© ООО «РТ-СПб», 2018

© «Центрполиграф», 2018

* * *

Предисловие

Эта книга – попытка собрать вместе любовные истории, так или иначе связанные с Петербургом, а порой и еще шире – с приневским краем. Именно поэтому в книгу вошли и древние предания, связанные с крепостями Северо-Западной Руси, и многочисленные любовные романы XIX – начала XX вв., происходившие в столице Российской империи и в Санкт-Петербургской губернии. Здесь и великосветские истории, и хитросплетения судеб царствующего дома Романовых, и истории из жизни «веселого Петербурга».

Как известно, одна из самых красивых и печальных любовных легенд старого Петербурга – повествование о Карле и Эмилии, их еще называют «Ромео и Джульетта по-петербургски», однако эта драма далеко не единственная в те времена...

Что может быть банальнее слов: «любви все возрасты покорны»? Тем не менее книга именно об этом. Не выступая ни в коем случае ни судьей, не давая никаких моральных и нравственных оценок (в конце концов, кто я такой, чтобы оценивать личную жизнь людей давно ушедших лет?), мне просто хотелось бы познакомить читателей с некоторыми сердечными событиями прошлых веков. Теми, которые в силу различных обстоятельств оказались известными широкой публике, нашли свое отражение на страницах прессы, книг, воспоминаний...

Какие эпизоды собраны в книгу? Самые разные. Любовные треугольники и семейные драмы, эпатажные амурные приключения, неразделенные чувства, сбежавшие невесты, тайные венчания, роковые вдовы и мужья, дуэли ради защиты чести возлюбленной, всякого рода нежелательные происшествия...

Казалось бы, что может быть банальнее ситуации «любовного треугольника»? Однако каждый случай имеет свои тонкости и нюансы. Увы, от подобных щекотливых ситуаций (а точнее, от их огласки) не застрахован никто. Именно поэтому любовные страсти Романовых практически сразу же становились предметом обсуждения всего великосветского Петербурга. Скрыть практически никогда ничего не удавалось. Достоянием публики стали и существование второй семьи Александра II, и романтические отношения наследника престола Николая с балериной Матильдой Кшесинской, и еще многие другие секреты.

Как отмечает историк А.Н. Боханов, исследователь династии Романовых, «все, что происходило внутри царского дома, приобретало характер важного общественного события, которое обсуждали не только в России, но и за ее пределами. Браки, разводы, „непозволительные увлечения“, „неприличное поведение“, будучи формально внутрисемейным делом, фактически таковым никогда не являлись»...

В начале XX в. Петербург переживал настоящий разгул «эротических страстей». Если полистать страницы столичных газет и журналов тех лет, то может показаться, что «половой голод» и лечение половых болезней – это едва ли главное, что волновало петербургских мужчин. По сравнению с этим, все как будто отступало на второй план – и кровавые вихри первой революции, и холерные эпидемии, и светские скандалы, и политические интриги...

Понимая, что большинство собранных в эту книгу историй носит налет «желтизны», скандальности и где-то даже скабрёзности, мы представили и счастливые семейные истории. Те истории, где супруги счастливы вместе, чей семейный союз послужил жизненному успеху. Достаточно хотя бы назвать чету Римских-Корсаковых...

Говоря о полководцах, военачальниках, государственных деятелях, деятелях науки, культуры и искусства, мы всегда имеем в виду их деятельность, достижения, свершения. Личная, частная жизнь всегда остается за скобками. В том числе и потому, что порой они сами старались ее не афишировать, что совершенно нормально и естественно. Лишь только по косвенным, отрывочным сведениям мы узнаем, что те или иные деятели, которые кажутся нам людьми с железными нервами, были счастливы или не столь в личной жизни. И подоплека

многих исторических событий становится нам ясна именно через призму историй любовных коллизий, семейных связей.

Особенно ярко выглядит здесь пример с Александром II. Его роман с княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой, который привел фактически к появлению у царя второй семьи, вызывал крайнее недовольство при царском дворе. Особенно после того, как в июле 1880 г., спустя всего полтора месяца после кончины законной жены, он тайно обвенчался со своей давней любовницей, в связи с этим подписав в Сенате акт о своем вступлении в мorganатический брак с Долгоруковой и о предоставлении ей титула светлости и имени княгини Юрьевской, те же имя и титул получили их дети. Поговаривали, что Александр II задумывал коронацию княгини Юрьевской. Семейный конфликт грозил перерасти в династический – он был разрублен покушением на царя на Екатерининском канале 1 марта 1881 г.

История, как бы это пафосно ни звучало, – своего рода учебник морали и нравственности. Она тем и важна, что мы сегодня знаем результаты тех или иных поступков и понимаем, к чему ведут поступки нравственные и безнравственные. Представления о том, что такое хорошо и плохо, о нравственности, честности, порядочности, долге, морали, которыми мы руководствуемся сегодня, действуют, по крайней мере, на протяжении последних двух столетий.

Вступление

Семейный вопрос

На рубеже XIX–XX вв. общество сетовало, что времена рыцарского отношения к даме безвозвратно канули в Лету, на их место пришел сухой расчет. В Петербурге только и говорили, что о падении нравов, и примеров тому было множество: в газетах появлялись ужасающие истории о «белых рабынях», «тайной и явной проституции»... Но, как говорится, большое видится на расстоянии. Из нынешнего времени нам порой гораздо яснее видно, что происходило тогда и к чему это привело. Мой собеседник – старший научный сотрудник музея «Разночинный Петербург» Ирина Осипова.

– Ирина Валентиновна, начнем, пожалуй, с самого банального: на ужасающее падение нравов современники сетовали во все времена. И неизменно апеллировали к прошлому: вот, мол, раньше были представления о верности, чести и достоинстве, а ныне!..

– Действительно, были веяния, увлечения, которые в начале XIX в. считались чем-то из ряда вон выходящим, а уже в конце его – вполне нормальными житейскими явлениями, с которыми можно было вполне мириться.

Важнейшим фактором стало воздействие литературы на умы образованного общества. 1840-е гг. – если не повальное, то весьма серьезное увлечение читающей публики романами Жорж Санд, а в них главная тема – свобода чувств. Мысль о том, что семейные отношения должны в первую очередь основываться на чувствах и не должны быть завязаны на вещах, связанных с долгом, положением в обществе... И в результате идея эмоциональной связи как основы брака становится, если не общепринятой, то постепенно завоевывает позиции.

В то время параллельно шли два процесса: с одной стороны, веяния читающей публики, с другой – то, что называют индустриализацией страны или развитием капиталистических отношений в России. Меняется привычный уклад жизни многих людей. Многие в поисках заработка оказываются в городе, где соблюдать прежние нормы семейной жизни оказывается затруднительно. Люди надолго оторваны от семьи, и традиционная ситуация, когда главным работником, «кормильцем» в семье является мужчина, оказывается нарушенной.

Ситуации могли быть самыми разными: например, муж ушел на заработки в город и оставил в деревне жену или детей. Или, наоборот, супруги пришли из деревни в город, жена устроилась прислугой и становится в какой-то степени источником заработка для семьи. То есть она уже не «при муже». Встают вопросы о том, каким образом делить заработанные деньги и кто вообще в семье главный. Все это создавало некую новую реальность, которая должна была взаимодействовать с представлениями о том, как оно должно быть.

Нередко те, кто уходил из деревни на заработки в город, заводили там вторую семью. В XVIII в. такое явление если и было, то не столь часто встречающимся. Теперь, начиная с середины XIX в., оно стало, конечно же, не нормой, но оказывало весьма серьезное влияние.

Я уже не говорю о большом числе незаконнорожденных детей, от которых их матери вынуждены в силу самых разных причин отказываться.

Общество, конечно, было очень обеспокоено подобной ситуацией. Но мнения о том, кто виноват, разделились. Одни считали, что все это результат того, что молодые люди начитались вредных книжек про «свободу чувств» и тому подобное... Другие были уверены, это явление имеет сугубо экономические причины. У популярного в ту пору писателя Глеба Успенского есть рассказ «Квитанция», действие которого происходит в Петербурге.

Белошвейка мчится на товарную станцию, чтобы попрощаться со своим младенцем, которого она отдала в воспитательный дом. Там он умер, и теперь его увозят на кладбище. У нее есть квитанция, по которой она сдавала ребенка в воспитательный дом, в ней указан номер. Ей объясняют, что она все равно никого не найдет, поскольку номер, по которому его выпи-сали, не совпадает с тем, по которому ребенка хоронят: «Только что это приемная квитанция, значит, живого младенца, а здесь накладные мертвецкие... Этот номер не может подойти!».

В итоге белошвейка не может найти своего ребенка. Публика на вокзале наблюдает за сценой. «А ты, коли рожашь ребенка, так ты его не бросай, как щенка! – вдруг, как обухом по лбу, громко и отчетливо проговорил какой-то из слушателей, видом лавочник». Девушка возражает: что же она будет делать с ребенком, если у его отца совсем нет денег, а ей надо работать: «Я одна кругом. Он тоже копейки не имеет... ученик... Меня с шести лет мучают работой... У меня даже своего лоскута нет... Как же мне быть?..».

Глеб Успенский поддерживает свою героиню: он считает, что обвинение народа в растле-нии – несправедливое. Во всем виноваты экономические условия. Молодые девушки пришли в город и столкнулись здесь с несправедливыми реалиями жизни. И что же им еще делать, как соблюдать нормы и правила, если живут они совершенно не в тех условиях, как должно?

Но это мы говорим о том, что касается «простого народа». Когда речь об образованной публике, то здесь ситуации совсем иные. Были и общие увлечения общественной «модой» на «свободу чувств», а были и серьезные обстоятельства, связанные с законодательными ограни-чениями. Яркий пример – ситуация с писателем и религиозным философом Василием Роза-новым. Первый раз он женился на Аполлинарии Сусловой, близкой знакомой Достоевского. Брак не сложился, но развод получить не удавалось.

Дело в том, что по церковному праву в России было три причины для развода: вина одного из супругов (один должен обвинить другого в прелюбодеянии), сумасшествие одного из супругов и неспособности к брачной жизни. Во всех этих случаях виновной стороне не разрешалось в дальнейшем вступить в брак.

Розанов развестись никак не мог, но Россия страна большая, и ему все-таки в 1891 г. удалось обвенчаться (фактически тайно!) второй раз – с Варварой Бутягиной, вдовой учителя Елецкой гимназии. Во втором браке у Василий Розанова родилось пятеро детей. Все они фор-мально являлись незаконнорожденными, поскольку с первой женой он официально не раз-велся.

Вот почему тема брака и семьи стала одной из важнейшей в творчестве Василия Роза-нова. Вопросам отношения церкви к проблематике семьи и сексуальным отношениям посвя-щена его книга «Семейный вопрос в России», увидевшая свет в 1903 г. В своих публикациях он активно выступал в защиту прав незаконнорожденных детей, отмечал, что перед Богом все равны.

– Сегодня, согласитесь, в нашем обществе подобная проблема стоит все-таки не так остро: государство у нас, как бы то ни было, светское, и проблем с разводом, при всей непри-ятности подобной процедуры, все-таки нет...

– Да, но тогда, в дореволюционной России, огромное значение имело, что незаконнорож-денный ребенок не наследовал социального положения и состояние своего родителя. И таким образом оказывался ущемленным в своих правах и статусе.

Были случаи, когда удавалось обойти этот запрет, но это скорее исключения из правил. Еще с XVIII в. известен «механизм», как незаконнорожденного сделать законнорожденным: найти другого супруга для его матери.

Эта тема не раз звучала в русской литературе. Например, герой романа Достоевского «Подросток» – незаконнорожденный князь Аркадий Макарович Долгорукий. Он побочный сын родовитого дворянина Андрея Петровича Версилова и его дворовой, что порождает в нем,

подростке, гордом и самолюбивом, комплекс неполноценности. Фамилию он носит другую – своего формального отца, тоже дворового Версилова, Макара Ивановича Долгорукого, но и это только лишний повод для унижения – при знакомстве его часто переспрашивают: князь Долгорукий?

И еще – отношение в обществе! Еще во время учебы мальчик начинает понимать, что он не такой, как все, поскольку на это указывает учитель. Мол, он не такой же, как все, он – «дитя порока»...

– Вообще, насколько я понимаю, незаконнорожденные нередко испытывали в те времена очень серьезный комплекс неполноценности. Они ощущали себя в обществе чуть ли не изгоями, все это их настолько уязвляло, что многие стали борцами против несправедливостей – так, как они это понимали. Яркий пример – Александр Иванович Герцен...

– Мне думается, таков был один из путей, но вовсе не единственный. Могу напомнить альтернативный пример: революционер-народоволец Николай Александрович Морозов – политкаторжанин, ученый, проживший громадную жизнь. Он – незаконнорожденный ребенок, но при этом в детстве, по его собственному признанию, никогда не ощущал никакого дискомфорта.

Его отец – мологский помещик, дворянин Петр Алексеевич Щепочкин, состоявший на государственной службе, мать – новгородская крестьянка, бывшая крепостная Щепочкина Анна Васильевна Морозова. Их отношения не были никоим образом оформлены, однако Николай Морозов рос в семье как любимый сын. И он всегда подчеркивал, что вовсе не незаконнорожденность привела его в революцию...

Любопытно, что возможность признать своих незаконнорожденных детей появлялась у тех дворян, кто считал для себя необходимым обратиться по этому поводу к государю императору. Россия в этом отношении – страна замечательная: если закон не позволяет, то можно всегда попросить о высочайшей милости царя. Это специфический, конечно, случай, но в царствование императора Александра II подобные милости были очень распространены.

Связано это, очевидно, с тем, что сам Александр II, «двоеженец», более чем кто-либо другой, был заинтересован в решении проблемы незаконнорожденных детей. Потому-то он довольно часто давал высочайшее соизволение как на признание прав законности за незаконнорожденными детьми дворян, так и на положительные решения вопросов, связанных с наследованием.

Пожалуй, кроме личного желания императора пойти навстречу этим людям, больше совершенно нечем объяснить увеличение положительных ответов на подобные прошения в его царствование. Они подавались в канцелярию прошений на высочайшее имя. Более того, в некоторых случаях канцелярия уже без личного участия императора могла принимать решения.

Вообще, понимание равенства всех, в том числе в вопросах любви и семьи, развивается в обществе достаточно широко и уж точно в его образованных слоях. Побеждает ощущение, что есть некие общечеловеческие законы, которые важнее, чем узкие сословные представления.

Тем более что видели, как ведет себя сам император, – раз внебрачная связь существует в царской семье, значит, это не предосудительно и для его подданных. Царский пример тут имел большое значение. В то же время, если бы общество жестко осуждало внебрачные отношения, то и царь бы, очевидно, себе подобного не позволил.

Например, император Александр I – человек весьма страстный, иногда у него появлялись весьма длительные связи «на стороне». Но он никогда не позволял себе каким-то образом легализовать их и демонстрировать публике «вторую жену» и «вторую семью», для него это – «грех молодости». Александр II, согласитесь, поступает совершенно иначе...

– Как на все это «безобразие» смотрел Синод – высшая духовная власть в стране?

– Разумеется, отрицательно. Однако разграничение церковного и гражданского права в законодательстве Российской империи во второй половине XIX в. было очень сложным. Существовали вопросы, которые относились исключительно к ведению церковного суда, но он не обладал средствами для исполнения своих постановлений. Грубо говоря, водворять жену к мужу все равно будет полиция, а следовательно, гражданские органы власти.

Поэтому спор, в чьем ведении находится решение вопроса – гражданского или церковного суда, – возникал постоянно. Нового гражданского уложения по семейному праву до 1917 г. так и не приняли. Поэтому принимались постановления, которые как-то были связаны с реальной ситуацией.

Например, гражданские суды не имели права принимать решения о разводе (это относилось к сфере церковной), но могли фиксировать раздельное жительство супругов, что давало возможность бывшим супругам жить отдельно, жене – получить собственный паспорт. До этого она не имела своего личного документа и была вписана в паспорт мужа. Так что поездки по стране или за границу предпринимались ею либо с супругом, либо с разрешением от него. С начала XIX в. выдачей подобных разрешений на раздельное жительство супругов занималось, как ни странно, III отделение, то есть политическая полиция.

А что становилось с супругами, чьи, «как бы разведенные», жены уезжали за границу?.. Опять-таки, можно взять русскую литературу, вспомнить Тургенева. Герой романа «Дворянское гнездо» обретает надежду на личное счастье благодаря газетной заметке о смерти его жены, но надежда улетучивается с приездом жаждущей примирения супруги.

Вообще, трагическая фигура первой половины XIX в. – мужчина, первый брак которого оказывается неудачным; принимается решение о раздельном местожительстве, жена обеспечивается и проживает где-нибудь отдельно. Но создать новый брак он не в состоянии, поскольку прежний официально не расторгнут.

Для второй половины XIX в. такие отношения уже не воспринимаются трагическими. Возникает практика гражданского брака. Нам кажется, что это понятие сегодняшнего времени, однако ничего подобного!

По сути, мы пользуемся выражением полуторавековой давности. Ведь под гражданским браком юристы понимают брачный союз, оформленный государственным учреждением без участия представителей церкви. Так что брак, заключенный в органах ЗАГС, во Дворце бракосочетания, и есть гражданский брак, даже если за ним последовало венчание.

Законодательно до революции гражданского брака в России не существовало. Брак оформлялся только в рамках религиозной церемонии. И выражения «гражданский брак» и «гражданская жена» как раз по отношению к неоформленному официально браку. То есть по понятиям XIX в. официальный брак – это церковный, неофициальный – гражданский. И никак иначе.

Примеров гражданских браков известных людей во второй половине XIX в. достаточно много. И если между участниками этих отношений не возникало серьезных конфликтов, то они вполне принимались окружающими и не вызвали осуждения. Пожалуй, самая знаменитая подобная история – отношения Некрасова и Панаевой. Это не мешало участникам этой истории вращаться в своем обществе и не подвергаться осуждению.

Конечно, Петербург и Москва в этом отношении более терпимы, чем провинциальная Россия, но и там подобные вещи тоже происходили. Например, первые два брака писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка – гражданские. М.Я. Алексеева, забрав от мужа троих детей, уехала с писателем из Тагила в Екатеринбург. Спустя тринадцать лет жаркий роман с другой замужней дамой заставил Мамина-Сибиряка перебраться на жительство в Петербург. В столице его новая гражданская жена скончалась в родах. Только третий брак писателя, с гувернанткой его дочери, оформлен официально...

Другое дело, что между мужчиной и женщиной в этом гражданском браке возникали особенные юридические отношения. Ведь мужчина, по сути дела, ничем не рисковал, а женщина, вступая в гражданский брак, ставила под угрозу свою репутацию, поскольку могла восприниматься обществом как содержанка. И в любой момент она могла оказаться «на воле» без каких-либо гарантий обеспечения своей дальнейшей жизни...

– В конце XIX в. изрядно на шумела история женитьбы одного морского офицера на проститутке. Он сочетался с нею законным браком, чтобы, по его представлениям, спасти ее, вытащить из тяжелых условий жизни, дать ей шанс на честную жизнь... А звали этого офицера Петром Шмидтом, и в историю он вошел как лейтенант Шмидт, устроивший восстание в 1905 г. на броненосце «Очаков»...

– Знаете, вообще для конца XIX в. эта история довольно уже запоздалая. Такое практиковалось в 1860-е гг. Именно тогда в образованном обществе господствовала мода по «развитию» женщин. Это считалось прямо-таки обязанностью образованного мужчины: либо заниматься развитием, образованием, выводить их из мещанской среды, где они оказываются в ограниченных рамках, либо спасать проституток, поскольку они оказались в такой ситуации исключительно ввиду экономического положения. Однако эта теория себя не оправдала.

Известный деятель женского движения Елизавета Николаевна Водовозова вспоминала: «Необыкновенное оживление общества в начале шестидесятых годов было совершенно новым явлением... Все, казалось, ясно говорило, что и у нас наступила наконец совершенно новая, не изведанная еще нами гражданская и общественная жизнь, когда каждый, искренно того желающий, может отдать с пользою свои силы на служение родине...

Сердце, как горящий костер, пылало страстную любовью к ближнему, голова была переполнена идеями и разнообразными заботами: одни готовились к чтению какого-нибудь реферата, другим приходилось многое что почитать, чтобы возражать, при этом почти всем необходимо было работать для заработка, и в то же время считалось священной обязанностью обучать грамоте свою прислугу, приглашать из лавочек и подвалов детей для обучения, заниматься в воскресных и элементарных школах».

Водовозова отмечала, что и в этих интеллигентных кружках шестидесятых годов «тоже происходили дразги, недоразумения, ссоры, неприятные столкновения». «И тогда люди влюблялись и ревновали до безумия, несмотря на то что молодежь того времени смотрела на ревнивца, как на первобытного дикаря, как на пошлого, самодовольного собственника „чужой души“, не уважающего человеческого достоинства ни в себе, ни в других...».

Огромное влияние на молодежь произвел тогда роман Чернышевского «Что делать?». Им не просто зачитывались, а воспринимали как руководство к действию. К примеру, он вызвал много попыток устраивать швейные мастерские на новых началах.

Елизавета Водовозова вспоминала про одного своего знакомого, приехавшего в Петербург, с ним она познакомилась в провинции. «Это был человек лет тридцати, весьма начитанный и неглупый, необыкновенно деятельный по натуре, чрезвычайно увлекавшийся современными идеями, для торжества которых он готов был отдать всю кровь своего сердца, но в высшей степени наивный, как очень многие в то время».

Будучи из зажиточной семьи, он имел немало связей в семействах людей богатых и крупных чиновников, и ему удалось собрать значительную сумму на устройство швейной мастерской. Каждый раз один час вечером выделялся на то, чтобы просвещать портних – им читали Островского, Некрасова, Гоголя.

Однако этого показалось мало: организатор мастерской решил спасти проституток, освобождать их «от клещей алчных содержательниц домов терпимости». Он был полон уверенности: «Нет такой девушки, у которой временный разврат мог бы загубить всякое нрав-

ственное чувство; ни одна из подобных личностей при благоприятных условиях не потеряна для честной жизни».

Как отмечает Водовозова, это было время, когда мысль о необходимости спасти погибших девушек, и притом совершенно бескорыстно, охватила не только пылкую, увлекающуюся молодежь, но даже солидных и зрелых людей. Вот и организатор швейной мастерской, о которой рассказывала Водовозова, выкупил из публичного дома трех проституток и дал им работу в мастерской. Однако прошло некоторое время, и выяснилось, что они шьют плохо, да и вообще работают лениво и недобросовестно. Поведение двух из них в мастерской вообще было «во всех отношениях наглое и бесстыдное».

В результате судьба мастерской оказалась плачевной: ее пришлось закрыть, а проститутки, выкупленные из публичного дома, исчезли еще за несколько дней до этого момента...

– Те, кто сетовал в конце XIX в. на падение нравов, обвиняли в этом не только на литературу и экономику, но и революционеров. Понятно, что подпольная жизнь и нелегальное положение совершенно не способствуют формированию брачных отношений, тем не менее те, кто считал для себя это необходимым, шли на это...

Лев Тихомиров, будучи членом «Народной воли», используя фальшивый паспорт, венчался со своей женой в церкви, поскольку считал необходимым оформить традиционным образом свои брачные отношения.

Другие народовольцы так не считали. Более того, многие полагали, что личная жизнь никаким образом не терпит вторжения извне. Партия не вмешивается в личную жизнь, и она не выносятся на общественное обсуждение.

В качестве примера тут показательны отношения Ольги Любатович и Николая Морозова: она уехала за границу с одной единственной целью – родить ребенка. Но сама она, вспоминая об этом эпизоде, объясняла ситуацию так: она поднимала тяжелые бутылки, идя по лестнице, и надорвалась. Однако, принимая решение эмигрировать, не считала нужным рассказывать о том, что была беременна, поскольку упоминать личные отношения означало так или иначе подвергать партию и своих товарищей опасности обвинения в «разврате».

Для народовольцев это имело большое значение, неслучайно на первых процессах против революционеров государственные обвинители активно разыгрывали эту карту. Утверждали, что революционеры – это враги семьи, морали, и все, что они хотят – разрушить общество и принятую мораль.

Характерный пример – ситуация после покушения Александра Соловьева на императора Александра II на Дворцовой площади в 1879 г. На суде вроде надо бы анализировать обстоятельства его преступления, а вместо этого долго обсуждается, как Соловьев женился, был ли этот брак фиктивным, с кем и когда видели его жену... А все для того, чтобы показать аморальный характер революционера. И поскольку обвинение эту карту очень активно использовало, то революционеры старались не давать повода к подобным обвинениям. Революционер должен был являться образцом морали.

Поэтому личные отношения попросту скрывались. Были случаи, когда люди, оказавшись в тюрьме, никаким образом не поддерживали между собой контактов, чтобы не предавать огласке свои отношения, не просили попасть в общее дознание и не просили свиданий в тюрьме. Отсюда, по всей видимости, тянется ниточка к отношениям Ленина, Крупской и Арманд, где во главу угла ставилось дело партии, то есть любовь не должна была вредить делу партии и революции...

На «этажах» сословной монархии

Могут ли детали личной жизни высших лиц государства, в том числе интимные, сексуальные, быть предметом достояния широкой публики? Недаром известный депутат Государственной думы Наталья Поклонская, отчаянно борясь против показа фильма Алексея Учителя «Матильда» (напомню, именно под этим знаком прошел практически весь год столетия российской революции), сначала выдвигала аргумент, что нельзя трогать личную жизнь Николая II, поскольку он «святой государь», а потом выступила с тезисом, что личная жизнь первых лиц страны в принципе не должна становиться предметом общественного обсуждения. Мой собеседник, доктор исторических наук Игорь Зимин, относится к немногочисленному числу исследователей, которые знают про личную жизнь последних императоров, наверное, практически все. Он – автор целой серии книг, посвященных повседневной жизни императорского двора второй половины XIX – начала XX вв.

– *Игорь Викторович, как вы считаете, частная жизнь высших лиц неприкосновенна?*

– И да и нет. Понятно, что личная жизнь первых лиц страны – что сейчас, что тогда, – с одной стороны, всегда закрыта от посторонних глаз, с другой – она всегда чрезвычайно интересовала обычных людей. И когда проходил определенный срок давности, то детали личной жизни высших лиц государства так или иначе вытаскивались на поверхность.

Как известно, нельзя читать чужие письма. Но в отношении первых лиц традиция такова, что публикуются письма, дневники, переписка, и все это считается совершенно нормальным, очень важным историческим источником... Это важная часть характеристики личности первого лица. Другое дело, что публиковать подробные свидетельства надо деликатно и тактично.

В монархических государствах, где личность правителя имеет особое, сакральное значение, монарх и его семья по определению должны служить образцом морали и нравственности, в том числе и потому, что они являются публичными людьми.

Публичность – это часть профессии любого человека, оказавшегося на вершине власти. Но исторические и личностные реалии подчас таковы, что мораль и нравственность приносятся в жертву политической целесообразности. Например, много ли повлияли на Петра I нормы морали и нравственности его времени? Останавливали ли они его? Представляется, что император «прогибал мир» под себя, реализуя собственное представление об абсолютной власти монарха.

Его говорить о XIX в., то представляется, что Романовы по большей части не только следовали сложившимся общественным нормам, но и последовательно их формировали в рамках своего сценария власти. На мой взгляд, первая нормальная семья на русском престоле среди Романовых, начиная с XVIII в., была у Николая I. Что значит нормальная семья? Конечно, есть масса нюансов в определении этого понятия.

Возьмем, к примеру, Петра I. Первый брак закончился ссылкой его жены, Евдокии Лопухиной, в монастырь, второй брак, с Мартой Скавронской, носил морганатический характер. Императрица Елизавета Петровна никогда официально замуж так и не вышла, хотя вариантов, начиная с Людовика XV, было много. Конечно, она долго и счастливо жила с Алексеем Разумовским, а затем с Иваном Шуваловым, но эти связи не носили официального характера.

Что касается Екатерины II – о нормальном браке с Петром III там говорить не приходится, хотя все формальности соблюдены. Брак императора Павла I с Марией Федоровной, столь богатый детьми, осложнен непростым характером государя. Александр I, которого бабушка женила в пятнадцать лет, в конечном счете, остался бездетным и отношения супругов носили весьма непростой характер...

Так что Николай I, со всеми его известными «васильковыми дурачествами», оказался действительно счастливым мужем и отцом. Он с женой любили друг друга, любили и заботились о своих детях. Следы этих счастливых семейных лет легко просматриваются по опубликованным запискам Николая Павловича с 1822 по 1825 г.

Однако когда в жизни монарха появилась Варенька Нелидова, последняя любовь его жизни, то все было обставлено очень тактично. Императрица Александра Федоровна, которая во второй половине 1830-х гг. начала болеть (все-таки одиннадцать беременностей не прошли даром), «отпустила» своего мужа и как бы благословила его внебрачные отношения.

Впрочем, в личной бухгалтерии Николая I мне встречались записи типа: «Девушке Герасимовой назначить пенсию 30 рублей». Полагаю, что это след его любовных связей, поскольку у этой девушки Герасимовой отец какой-то мелкий чиновник. Каким образом он мог что-то сделать для императора? Только девушка Герасимова могла оказать ему какие-то услуги...

Росшим в же семье Николая I девочкам заранее вкладывали в голову понимание, что есть интересы государства, внешнеполитические и внутривластные расклады, и, именно исходя из них, будет строиться выбор жениха. Если он будет сопровождаться еще и таким счастьем, как любовь, то это будет просто удачей.

Все-таки обычно в таких делах во главу угла ставилась не любовь, а государственные интересы. Фактически дети императоров в построении личной жизни себе не принадлежали. Они должны жениться или выйти замуж за того, за кого следует. Повезет, если этот брак потом окажется счастливым, но получалось по-всякому. Впрочем, так было во все времена, даже далеко не в императорских семьях...

В те времена ежегодно издавался генеалогический «Готский альманах», в котором указывались все данные по аристократическим родам Европы (родители, год рождения, родственники до седьмого колена). Именно он нередко служил руководством для царственных родителей, как им устроить жизнь своих сыновей и дочерей. Дочь Николая I писала, что, несмотря на свое положение, принцессы достойны сожаления, поскольку «в готском Альманахе указывается год твоего рождения, тебя приезжают смотреть, как лошадь, которая продается». Увы, судьбы дочерей Николая I, которым родители искренно желали счастья, выдавая замуж за особ своего круга, сложились не самым благополучным образом.

Младшая дочь Александра, любимица отца, в девятнадцать лет вышла замуж за принца Фридриха Вильгельма Гессен-Кассельского. Незадолго до свадьбы у нее обнаружили туберкулез. За два месяца до срока Александра Николаевна родила сына, который умер вскоре после рождения, и в тот же день скончалась юная мать. Ее последними словами стали: «Будьте счастливы».

Ольга, самая красивая из дочерей Николая I, засиделась «в девках» до двадцати четырех лет. Ей предлагали разные варианты, но они совершенно отчетливо замешаны на деньгах, на ее бриллиантовом приданном, на внешнеполитическую поддержку России. В конце концов, когда ей уже исполнилось двадцать четыре, отец сказал: мол, к тебе сватается Карл, принц Вюртембергский, как ты решишь, так и будет. Ольга и Карл приходились друг другу троюродными братом и сестрой. И она вышла замуж, как потом говорили, «за ученого дурака». У него за плечами было два университета, но он больше смотрел на своих адъютантов, чем на жену, и в результате брак остался бездетным. То есть родители хотели ей счастья...

– Как известно, сын Николая I – император Александр II – человек весьма любвеобильный. И история его отношений с княгиней Екатериной Долгоруковой, ставшей княгиней Юрьевской, давно уже, что говорится, стала притчей во языцех.

– Да уж, «умиление моего мужа» – так супруга Александра II Мария Александровна называла многочисленные любовные увлечения своего супруга. Вот уж она-то действительно святая женщина. Об отношениях сорокадевятилетнего Александра II и семнадцатилетней Ека-

терины Долгоруковой принято рассказывать исключительно в романтическом ключе. Но, на мой взгляд, отношение княжны Екатерины Долгоруковой к Александру II – это вообще что-то похожее на бизнес-проект, плотно замешанный на деньгах...

Александр II еще в 1876 г. написал завещание, в котором оставил любовнице три миллиона рублей, положенных на ее счет в банке. Женившись на Долгоруковой через сорок дней после смерти супруги, особо оговорил ее право проживать в Зимнем дворце со своими детьми. В 1881 г. началась подготовка к коронации светлейшей княгини Екатерины Юрьевской (так теперь именовалась Долгорукова). Все у нее могло случиться, но 1 марта Александр II погиб в результате покушения террористов «Народной воли».

Судя по всему, княгиня Юрьевская, уезжая в начале 1882 г. из России в Ниццу, поставила ценой своего отъезда ряд условий. Состоялись буквально «высочайшие торги». В результате, кроме трех миллионов рублей, полученных по завещанию от Александра II, она получила еще и ежегодную ренту в сто тысяч рублей на себя и сто тысяч на своих детей. Далее, в обмен на право проживания в Зимнем дворце, дарованное княгине Юрьевской по завещанию Александра II (Александр III согласиться с этим категорически не мог), ей подарили особняк Кушелева-Безбородко на Гагаринской улице, который именовали Малым Мраморным дворцом, оцениваемый в 1900-х гг. в полтора – два миллиона.

Кроме этого, по условиям соглашения, детям княгини Юрьевской по достижении совершеннолетия из средств Кабинета следовали ежегодные секретные «выдачи». Так, сын Александра II от второго брака светлейший князь Георгий Александрович Юрьевский ежегодно получал по сорок тысяч рублей. Не забыли и о его сестрах. Совершенно очевидно, что Александр III предпочел откупиться, лишь бы удалить из страны княгиню Юрьевскую.

Некоторое время в Ницце княгиня Юрьевская вела себя достаточно «тихо», но, начиная с 1900 г., стала буквально терроризировать императора Николая II и министра Императорского двора Фредерикса бесконечными просьбами о денежной помощи. Весной того года она написала письмо на имя Николая II с просьбой вновь оказать ей материальную поддержку, поскольку, мол, дети выросли и расходы их тоже возросли. Юрьевская просила выделить и себе единовременную крупную сумму.

Николая II это совершенно не устраивало, поскольку за просьбой могла последовать следующая, а ему хотелось «закрыть проблему». В августе 1900 г. Фредерикс отправил письмо с перечислением жестких условий, на которых Николай II соглашался увеличить ежегодную секретную пенсию морганатической жене своего деда.

Во-первых, княгиня должна положить в Госбанк неприкосновенный капитал в один миллион рублей, «в самое непродолжительное время» довести его до двух миллионов и жить на проценты с капитала. Зная, что у княгини нет таких денег, предлагалось продать ее дом в Петербурге на Гагаринской улице и вырученные деньги внести в банк.

Во-вторых, император, увеличивая ежегодную пенсию Юрьевской со ста до двухсот тысяч, предупреждал, что впредь любые обращения ее сына князя Григория Юрьевского «об уплате его долгов... безусловно, и при каких бы то ни было условиях Государем Императором будут оставлены без удовлетворения».

В-третьих, император выражал надежду, что сама княгиня и ее дети будут жить «соответственно получаемым им средствам».

Однако на этом дело не кончилось. В 1908 г., встретившись за границей с великим князем Алексеем Александровичем, Юрьевская заявила ему, что буквально за несколько дней до смерти Александр II пообещал ей еще три миллиона и об этом есть запись в его ежедневнике. Пересмотрев портфель с бумагами Александра II, в котором хранилось его завещание, великий князь никаких записных книжек не обнаружил. Однако речь шла об очень крупной сумме, поэтому он решил продолжить поиски среди неразобранных бумаг Гатчинского дворца, то есть фактически в доме вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

К лету 1909 г. искомые «памятные книжки» императора Александра II за 1880 и 1881 гг. нашли. Их обнаружили в Готической библиотеке Николая II в Зимнем дворце. Заведующий Императорскими библиотеками Щеглов никаких отметок «о трех миллионах» не обнаружил. Кажется бы, история закончилась, но светлейшая княгиня Юрьевская не успокоилась.

Осенью 1909 г. она стала буквально засыпать Фредерикса отчаянными просьбами о материальной помощи: «Мое положение безвыходное; дни сосчитаны до краха. Верьте искренности этих слов и то же моей к Вам глубокой благодарности». Послания вызвали раздражение при дворе и оставались без ответа.

В одном из писем Фредериксу она писала, что, возможно, Александр II и не успел сделать письменное распоряжение о даровании ей дополнительных трех миллионов рублей, «но, во всяком случае, факт остается фактом, и я обращаюсь и обращаюсь к Его Императорскому Величеству по этому поводу не на основании каких-либо юридических доказательств, а взываю к чувствам нравственного долга».

В конце того же года княгиня Юрьевская заявила, что выставляет дом «на Гагаринской» на публичные торги со всеми находящимися в нем вещами. Дом и все в нем находящееся она оценила в два миллиона. Изюминка этого хода заключалась в том, что на торги выставлялись и все личные вещи Александра II, хранившиеся в этом доме. К тому времени он фактически превратился в музей Александра II. Ко всем вещам, к которым притрагивался император, прикрепили бронзовые таблички с соответствующими надписями. На продажу выставлялся даже ночной горшок из спальни императора, правда, без бронзовой таблички.

Тексты готовящегося аукционного каталога были следующие: «Кровать двуспальная под черное дерево. В изголовье кровати бронзовая дощечка: „Проведена последняя ночь жизни до 1 марта 1881 г. государем Императором Александром II“; Матрац пружинный, матрац волосяной, шкафчик ночной под черное дерево, столик десертный под черное дерево. На столике надпись „Государь император Александр II у зеркала, где причесывался до 1 марта 1881 г.“».

Допустить аукционные торги по таким «царским» лотам Императорский двор никак не мог – это был бы сильнейший удар по репутации и престижу Дома Романовых. В результате этой «атаки» дело с домом спустили «на тормозах», и осенью 1909 г. к ренте светлейшей княгини Юрьевской добавили еще пятьдесят тысяч.

В начале 1910 г. для давления на Фредерикса светлейшая княгиня использовала и личные письма Александра II, обращенные к ней. Юрьевская через своего адвоката сообщила министру, что желает выставить на публичные торги свою интимную переписку с Александром II – той поры, когда он был еще женат на Марии Александровне. Публикация даже небольших отрывков из этих писем привела бы тогда к колоссальному скандалу.

В результате принятие решений в некрасивой и скандальной истории перешло на «самый верх». В апреле 1910 г. светлейшую княгиню Юрьевскую приняли Николай II и Александра Федоровна, после чего над имуществом княгини учредили опеку Кабинета. В документах указывалось, что регулярные денежные выплаты княгине в руки передавать не следует, поскольку «она не в состоянии их удержать... Полагаю, что пенсию следует выдавать ежемесячно, а не по третям, как выдается теперь 150 000 руб., что составит 12 500 руб. в месяц, чем чаще и дробнее выдачи, тем лучше для людей бесхарактерных».

За многие годы (по крайней мере, с начала правления Николая II) Юрьевская смотрела на Кабинет как на дойную корову и не стеснялась в своих просьбах, густо замешенных на шантаже и угрозах скандалом. Уже в конце августа 1910 г. управляющий Кабинетом генерал С.В. Волков пишет В.Б. Фредериксу, что очень огорчен тем, что «должен вновь Вам писать о княгине Юрьевской, которая на другой день по уплате 200 000 руб. за нее Кабинетом (второй раз в том же году) и 300 000 руб. уделами через Смельского, просит Вас выдать ей 50 000 руб. и 200 000 франков для выкупа ее дачи в Ницце. Кроме того, получена телеграмма о выдаче ей содержания за сентябрь вперед...».

– Александр III в отношении семейных отношений вызывает, наверное, гораздо больше симпатий?

– Да, хотя он сам признавался: женился на Марии Федоровне без особой любви – практически только потому, что это невеста старшего брата Николая, который внезапно ушел из жизни. Ведь именно тот, старший сын Александра II, должен был стать Николаем II Александровичем. Его отправили в Европу по традиции, чтобы молодой человек из императорской семьи попутно присмотрел для себя невесту соответствующего уровня. Специально прокладывался маршрут через те королевские дома, где были девушки, которые как раз могли вступить в брак.

Николай приехал и в Данию, где у короля Христиана IX и королевы Луизы было три дочери. Старшую, Александру, они выдали замуж за будущего английского короля Эдуарда VII, а среднюю (ее домашнее прозвище «Умная») познакомили с приехавшим в Данию Николаем, ей исполнилось семнадцать лет. У них сразу сложились отношения: поцеловались, на стекле вырезали свои имена, поклялись в любви...

Вроде бы все складывалось замечательно, но случилась беда: Николай упал в Царском Селе на скачках и страдал от страшных болей в спине. Потом уже оказалось, что у него спинномозговой туберкулезный менингит. Эту болезнь тогда не умели еще диагностировать. Отец считал, что у сына ревматизм.

Умирал Николай очень тяжело: паралич, черная пена изо рта, никого не узнавал... Поэтому история, что он соединил над своим смертным одром руки своей невесты и брата, – не более чем легенда. По состоянию его здоровья такого быть просто не могло.

Александр II настаивал, чтобы его сын Александр, будущий император Александр III, взял в жены невесту своего старшего сына. А у того случился платонический роман с фрейлиной матери – Марией Мещерской. Отец стукнул кулаком по столу: «Поедешь в Данию!». Александр ответил: «Не надо мне титула цесаревича, мне нужна только Машенька Мещерская».

Тем не менее в Дании оформили помолвку и в 1866 г. заключили брак. Цесаревич Александр поначалу по отношению к жене вел себя, честно говоря, довольно холодно. Но позже у Александра и Марии Федоровны, как стали именоваться его супруга, перешедшая в православие, семейная жизнь стала складываться, и их брак оказался счастливым. Когда наследник уехал на Русско-турецкую войну, то в Рождество 1877 г. он писал супруге из Болгарии: «Встречаю Новый год без тебя. Ты желаешь мне нового счастья, а мне нового счастья не надо. Мне со старым хорошо».

Александр III был лично безупречен, поэтому у него моральное право – всю семью держать в кулаке. А вот со своим дядей Константином Николаевичем, морским министром, у него сложились очень натянутые отношения: оба терпеть не могли друг друга. На то было немало причин: когда матушка-императрица Мария Александровна умирала в Зимнем дворце в 1880 г., Александр II собирался уезжать в Царское Село вместе со своей любовницей Екатериной Долгоруковой. Дети говорили: «Мать умирает, нельзя», а Константин Николаевич настаивал на отъезде Александра II. И будущий Александр III этого ему простить не мог. Кроме того, наличие у Константина Николаевича любовницы-балерины (к тому времени тренд любовниц в царской семье сменился – с фрейлин на балерин), не улучшало отношений дяди и племянника.

– Что касается Николая II. Можно ли сказать, что на фоне всех остальных Романовых он был идеалом нравственности? Примерный семьянин, никогда не изменявший жене, разорвавший все отношения со своей бывшей возлюбленной, балериной Матильдой Кшесинской... Все свои увлечения он оставил в бурной молодости...

– Да, что касается семейных отношений, то брак Николая и Александры Федоровны можно считать просто идеальным. Они ведь почти двадцать пять лет прожили вместе и сохра-

няли очень нежные чувства друг по отношению к другу, когда уже были достаточно немолдыми людьми. Достаточно почитать их переписку времен Первой мировой войны, изданную еще в 1923–1927 гг. Централхивом в трех томах. Николай II уезжал в Ставку в Могилев, и супруги подолгу находились в разлуке.

Из письма 1 июня 1916 г.: «Думаю о моем муженьке с великой тоской и глубочайшей любовью. Осыпаю тебя нежными поцелуями и прижимаю к сердцу. Благослови тебя Боже, ангел мой! Будь здоров – я всегда с тобой! Навеки всецело твоя старая Солнышко». И ответ того же дня: «Моя родная девочка, я так по тебе тоскую – ведь уже больше двух недель, как мы расстались! Храни вас Господь! Целую нежно тебя и девочек. Мысленно прижимаюсь к твоей груди и чувствую себя уютно в твоих объятиях! Навеки, любимая, твой Ники».

На следующий день она пишет ему из Царского Села: «Сокровище мое! Шлю тебе нежный поцелуй и спасибо за твое милое письмо. Как я люблю беседовать с тобой! Чтение твоих строк, полных любви, согревает меня, и я стараюсь себе представить, будто слышу, как ты говоришь все эти дорогие слова твоей одинокой женушке... Мой нежный ангел, крепко прижимаю тебя к груди и нашептываю тебе нежные слова глубочайшей любви. Бог да благословит и защитит тебя! Святые ангелы охраняют и направляют тебя. Навеки, мой Ники, всецело твоя детка Аликс».

У них в переписке бытовало выражение «мадам Беккер», или просто «Беккер», что означало менструацию. 8 апреля 1916 г. царь писал: «Моя любимая, я очень хочу тебя! Пожалуйста, пусть у тебя не будет m-me Б., когда я вернусь!». 28 июня 1916 г. Александра Федоровна писала мужу: «Беккер будет около 3-го, а потому лучше несколько дней спустя, чтобы быть с тобой 11-го». 3 июля 1916 г.: «Приеду к тебе, оставив Беккер позади!». 18 августа 1916 г.: «Конечно, Беккер явится ко мне в ставке – я вне себя». 20 августа 1916 г.: «Конечно, скоро явится проклятая Беккер – страшная досада, она все испортит». Иногда критические дни зашифровывались понятием «инженер-механик».

Конечно же, ни Николай II, ни его супруга не предполагали, что их переписка будет опубликована. Александра Федоровна в начале марта 1917 г. три дня жгла свои дневники – после того как узнала об отречении мужа от престола. Она – дама эмоциональная, и, я думаю, в ее записях было много того, что она посчитала нужным уничтожить. Тем более что уже случился знаменитый скандал 1912 г., когда обнаружили ее письма к Распутину, и вот оттуда пополз слух, что она его любовница.

Действительно, если не знать контекста ее семейных отношений, то можно подумать все, что угодно, читая письмо Александры Федоровны к Распутину: «Мой дорогой, только тогда себя чувствую спокойной, когда кладу свою голову на твое плечо, когда ты дышишь мне на рукав...», но на самом деле это эмоциональные выплески Александры Федоровны. Когда в 1917 г. грязью залили всю царскую семью, все эти грязные истории пошли в общую «топку»...

Кстати, о Матильде Кшесинской. То, как именно Александр III познакомил 29 марта 1890 г. сына с Кшесинской, было сделано вопреки традициям, потому что за столом императора должны были сидеть первые по оценкам выпускницы Императорского театрального училища. А он пригласил именно ее. Николаю двадцать два года. Мотивы отца?

В богатых семьях существовала традиция: к подрастающему барчуку приставляли специальную проверенную горничную, чтобы она провела ему «мастер-класс» по половому просвещению и подготовила к взрослой жизни. В этом отношении в качестве «горничной» выступила Кшесинская, которой исполнилось семнадцать лет.

Наследник Николай прекрасно понимал, что особы императорской крови на балеринах не женятся. Поэтому он вполне реалистично воспринимал свой роман как увлечение молодости. У меня вообще такое впечатление, что отец позволял отношения сына с Кшесинской, пока ему не подобрали соответствующую невесту.

Мне думается, что знакомство Николая с Кшесинской – это «проект» Марии Федоровны и Александра III. Если бы даже результатом этой любовной истории стало рождение ребенка, то в этом не было ничего страшного. У великих князей случались побочные дети. К этому в царском дворе относились спокойно. Родители знали, что придет срок, «детская забава» кончится, и все вернется на круги своя...

Кстати, отдать наследника в руки Кшесинской было хорошо еще и потому, что она имела безупречную репутацию. Ведь никто не отменял риск заразиться венерической болезнью – мало ли куда пойдет наследник, мало ли с кем свяжется? Кроме того, в обществе ходили слухи, что роман Кшесинской и Николая, инициированный Александром III и Марией Федоровной, не более чем прививка от «гвардейской болезни»...

– *Вы имеете в виду гомосексуализм?*

– Да. 995-я статья «Уложения о наказаниях», принятого 10 августа 1832 г., при Николае I, приравнивала гомосексуализм к скотоложству. Однако аристократия, верхи интеллигенции, столичное купечество (в обеих столицах) подвергались суду и наказанию только в самых исключительных случаях. Великих князей вообще старались не трогать. Тем более что, начиная с 1890-х гг., в России обсуждался вопрос об отмене уголовного преследования за мужеложство, поскольку распространялась точка зрения, что гомосексуальность – это психическое заболевание.

Почему «гвардейская болезнь»? Увы, это явление было распространено в гвардейских полках, квартировавших в столице. Особенно «славился» лейб-гвардии Преображенский полк, где существовала школа кантонистов, в которой воспитывались мальчики. В 1894 г. в полку произошел публичный скандал, в котором оказались замешаны два молодых офицера этого полка. Их исключили именно за гомосексуальные наклонности.

Русская писательница, эмигрант, автор документально-биографических исследований Нина Берберова в своей книге «Чайковский» отмечала: «Все было известно, что богатых и знатных „скандалистов“ отсылают на время на Ривьеру, а „мужиков“ – в Сибирь, откуда они почти никогда не возвращаются к себе в деревню, находя жизнь в Сибири „вольготнее“, и где им не угрожал вопрос брака. Великих князей никогда не беспокоили... В дореволюционной России было, как известно, два суда: один – для богатых и сильных, другой – для бедных и слабых. Исключения, конечно, бывали и даже не так уж редко, но, как общее правило, был обычай: титулованных, царских слуг и министров, членов Государственного совета, купцов-миллионеров, известных актеров и других популярных людей,сылать на время в Европу, если „скандалят“».

И далее Нина Берберова приводила довольно большой список великих князей (членов семейства Романовых), замеченных в гомосексуализме, но не подвергавших наказанию по 995-й статье, включая Феликса Юсупова, женатого на племяннице Николая II.

В XIX в. российские императоры относились к гомосексуализму совершенно индифферентно. К примеру, Александр III прекрасно знал о грехах своего приятеля по юности князя Владимира Мещерского. Также император был весьма осведомлен и об особенностях личной жизни столь любимого им композитора Чайковского. Когда композитор, оказавшись в тяжелом материальном положении, обратился к Александру III с просьбой о пенсии, ему немедленно ее выделили.

– *Как стало известно относительно недавно, страдал от подобной склонности и знаменитый поэт «К. Р.» – великий князь Константин Константинович, генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, поэт, переводчик и драматург.*

– Да, известны его дневники, которые он завещал издать через девяносто лет (то есть этот срок приходился на 2005 г., а их издали впервые все-таки раньше, в 1998 г.).

Несмотря на женитьбу в двадцать шесть лет и рождение девятерых детей, он постоянно боролся с зовом плоти и так же постоянно уступал ему. Интеллигентный, талантливый, тепло относившийся к своей жене отец многодетного семейства пытался и не мог избавиться от влечения к мужчинам, но при этом «К. Р.» воспринимал это как грех, как слабость.

Например, в записи от 28 декабря 1903 г. он писал: «Жизнь моя течет счастливо, я поистине „баловень судьбы“, меня любят, уважают и ценят, мне во всем везет и все удается, но... нет главного: душевного мира. Мой тайный порок совершенно овладел мною. Было время, и довольно продолжительное, что я почти победил его, от конца 1893-го до 1900-го. Но с тех пор, и в особенности с апреля текущего года (перед самым рождением нашего очаровательного Георгия), опять поскользнулся и покатился и до сих пор качусь, как по наклонной плоскости, все ниже и ниже. А между тем мне, стоящему во главе воспитания множества детей и юношей, должны быть известны правила нравственности.

Наконец, я уже немолод, женат, у меня 7 человек детей, старшие почти взрослые, и старость уже не за горами. Но я точно флюгер: бывает принимаю твердое намерение, усердно молюсь, простаиваю целую обедню в жаркой молитве и тотчас же затем, при появлении грешной мысли, все сразу забывается, и я опять подпадаю под власть греха. Неужели же невозможна перемена к лучшему? Неужели же я так и погрязну в грехе?».

Все это не отменяет того факта, что великий князь Константин Константинович – один из самых выдающихся представителей семьи Романовых. И практически никто из его современников, оставивших дневники и мемуары, не упоминал о великом князе именно в таком порочащем контексте. Кстати, среди великих князей достаточно велик и процент холостяков, но это вовсе не означает, что они придерживались нетрадиционной сексуальной ориентации...

А холостяками многие из великих князей оставались потому, что не могли или не хотели найти компромисс между долгом и любовью. Например, младший брат Александра III, великий князь Алексей Александрович, в молодые годы пережил бурный роман с фрейлиной Сашенькой Жуковской. Но матушка, императрица Мария Александровна, допустить их брака не могла, и Алексей, у которого впоследствии было множество увлечений, так и остался холостяком.

Поэтому, говоря о любовных историях, происходивших на разных «этажах» сословной Самодержавной империи, следует иметь в виду, что всегда существовали жесткие правила – «как должно поступать». Но часто эти правила входили в противоречие с обычной любовью, ломавшей сословные табу, и далеко не у всех хватало характера и чувства долга, чтобы найти достойный выход из сложившихся жизненных коллизий.

Времена и нравы

О стойком стрельце и комендантской дочке

С древним приневским краем связано немало старинных красивых легенд и преданий о любви. Истории эти печальные и трагические, рассказывают о верной и преданной любви, которой герои этих мифов дорожили больше собственной жизни. И обязательно чувству двух сердец мешали какие-нибудь злые силы.

Немало подобных легенд связано с Ивангородской крепостью и Нарвским замком. По одной из старинных нарвских легенд, в конце XVI в. враги беспрестанно осаждали Нарву. На самом высоком месте города, у флагштока, находился воин по имени Олаф, зорко осматривавший окрестности и оберегавший город от внезапного нападения. Никто не смел отвлекать его от важнейшей задачи, но однажды к нему пришла невеста, которую он не видел долгое время. Конечно, Олаф был счастлив и... буквально на миг потерял бдительность. Но одной только этой минуты оказалось достаточно, чтобы враги подобрались к отважному рыцарю.

Олаф обнажил свой меч и бросился на врага. Схватка была короткой – враг повержен, но был сражен и рыцарь. Горю девушки, на глазах которой погиб ее возлюбленный, не было предела. Со словами «Смерть объединит нас!» в отчаянии она бросилась с крепостной стены в мрачную бездну реки. И еще много лет спустя на том месте, у флагштока, появлялись призраки рыцаря Олафа и его невесты в белых одеждах. Слышались звуки боевой схватки и глубокие вздохи, навевающие дикий ужас на городских сторожей...

Есть и еще одна нарвская легенда. Она рассказывает о том, что жил в Нарве один богатый купец и была у него необычайной красоты дочь. Немало женихов просили ее руки, но сердце девушки оставалось к ним равнодушным, ибо любила она другого – своего земляка из Нарвы. Молва о красавице дошла до шведского короля, у которого был молодой сын. «Она должна принадлежать моему сыну», – заявил король и отправил королевича на корабле с роскошными подарками в Нарву.

Конечно, дочь нарвского купца сразу же покорила сердце шведского юноши. И с отцом девушки ему удалось договориться. Одно только «но»: любовь королевича не была взаимной. Красавица отказала ему: она хранила верность своему избраннику. Тогда купец и королевич сговорились отправить девушку за море насильно. Перед отъездом она повидалась с любимым и поведала ему, что ее ждет беда, что она не сможет пережить разлуку и никогда не будет счастлива с королевичем.

Девушке пришлось подчиниться силе, и вскоре корабль увез королевича с нарвской красавицей. До шведских берегов она не добралась: не перенесла разлуки, бросилась в море. С тех пор во время шторма, когда свистит ветер, бушуют волны, в ярости бросаясь на берег, по всему Финскому заливу до берегов Швеции сквозь рокот волн слышен душераздирающий, накликающий беду плач. И сквозь валы и шлейфы пены можно разглядеть призрачные женские руки, которые хотят забрать мореплавателей в подводное царство. Это нарвская красавица, ставшая русалкой. Она не может забыть свою первую любовь и хочет отомстить бессердечным людям за украденное у нее счастье...

Много легенд связано с выборгской усадьбой Монрепо близ Выборга, принадлежавшей семейству Николаи. Одна из них – о цыганке Стеше. Дело будто бы обстояло так: однажды Пауль, сын барона Николаи, несмотря на запрет отца, отправился ночью гулять по Выборгу. На площади он увидел бездомную цыганку Стешу и влюбился в нее без памяти. Отец, узнав о «позорной страсти» сына, посадил его под домашний арест. Однако Пауль бежал из родительского дома.

Влюбленные договорились с капитаном одного из кораблей, что тот доставит их в Швецию. Однако капитан не сдержал своего слова и предал влюбленных, на пути в Швецию он смог оповестить графа Николаи. Тот кинулся в погоню. Отчаявшись обрести счастье в этом мире, Стеша и Пауль взяли за руки и бросились в бушующее море...

Как гласит далее легенда, в память о трагедии на острове Людвигштайн, около которого они погибли, построили семейную усыпальницу Николаи, а сам остров называют Островом мертвых. На самом деле никакой мистики здесь нет: остров действительно является семейной усыпальницей рода Николаи.

Как отмечает Выборгский краевед Юлия Мошник, к подлинной истории эта легенда не имеет ровным счетом никакого отношения. Вот как она прокомментировала легенду о Стеше: «Пауль Николаи был женат недолго и очень счастливо. После безвременной кончины его жены Александрины Симплиции он вновь жениться даже не собирался. Родители Пауля тоже были счастливы вместе – прожили долго и умерли в один год. В семье Николаи было очень серьезное отношение к браку, семье и семейным отношениям, ни один из них ни в одном поколении не „засветился“ в каком-нибудь мезальянсе или в попытке одного».

Что же касается легенды о цыганке Стеше, то тут история простая. В 1970 году в редакции газеты „Выборгский коммунист“ собралась группа экскурсоводов, которые хотели создать для Выборга букет разных легенд. В длинной Выборгской истории, к огромному счастью, есть масса интереснейших событий, но нет легенд (за одним исключением – о пещере Смеллен). Но эти люди за реальной историей не гнались и вовсе ею не интересовались. Они насочиняли всяческой ерунды – исключительной по своей безграмотности мелодрамы.

На долю Монрепо досталось три таких „любовных“ сюжета: про цыганку Стешу, про девушку неопознанной национальности Айни и про „зеленую корзинку“. В музее-заповеднике к этим квазилегендам относятся резко отрицательно».

О легенде крепости Копорье, связанной с трагической любовной историей, рассказывает краевед Константин Ульяночкин (Сакса), автор книги «Мифы и легенды Ингерманландии». Вот о чем повествует эта легенда.

Копорье. Гравюра Боденера. XVII в.

Жил в Москве стрелец Андрей. Был он храбр и много раз побывал в ратных битвах и походах. Судьба хранила его от пули и вражьей сабли. Однажды послали его с поручением в далекую Ингрию (Ингерманландию) – тогдашнюю окраинную шведскую провинцию, в крепость Каприо (Копорье) к тамошнему коменданту, и влюбился Андрей без памяти в комендантскую дочку.

Однако пришла пора возвращаться домой. Повез Андрей грамоту царю, но сердце его осталось в Ингрии. И хоть был Андрей давно женат и было у него трое детей, никак он мог забыть комендантскую дочку. Рвалось его сердце на части. Не выдержал однажды стрелец и побежал на шведскую сторону. Русский царь решил, что стрелец задумал измену, и повелел стрельца схватить и казнить.

Почти доскакал стрелец до Копорской крепости, уже он увидел дочку коменданта, которая ждала его на одной из высоких башен, одетая в парадное платье. Но в ту минуту нагнали его боевые товарищи-стрельцы. Пришлось ему забраться на высокую гору около крепости и отбивать их атаки. Дочка бросилась к отцу, умоляя помочь, послать своих воинов на подмогу любимому.

Три дня отбивался стрелец Андрей от своих товарищей. Те увидели, что им с ходу не одолеть отважного бойца, окружили гору и день и ночь штурмовали ее. Но и комендантская дочь не добилась помощи от отца, который не хотел новой войны с Московией. Бросил отец непокорную дочь в самое глубокое и темное подземелье крепости, там она и сгинула. Но жизнь ее не пропала даром: из-под земли забили вокруг крепости многочисленные родники, как чистые слезы стрелецкой возлюбленной. А храбрый стрелец Андрей остался в памяти народа в названии Стрелецкой, или Стрелиной, горки, на которой он так геройски сражался против своих же товарищей...

Собиратель петербургских мифов и легенд, автор большого количества книг по этой теме Наум Александрович Синдаловский отмечает, что среди мифологических персонажей петербургской истории с давних времен присутствует загадочный призрак Белой Дамы, доставшийся в наследство вместе с некоторыми другими странствующими героями средневековой европейской низовой культуры.

«В мифологии Франции, Германии или Чехии Белая Дама считается одним из главных персонажей, – отмечает Наум Синдаловский. – Появляется она в образе женщины неземной красоты, с длинными белокурыми волосами и отождествляется с городскими привидениями или лесными духами. Иногда она помогает людям найти дорогу, сориентироваться в пространстве, обрести покой или уверенность. Но чаще всего Белая Дама предсказывает приближение смерти.

Так, например, знаменитая „Берлинская Белая Дама“ предвосхитила смерть большинства прусских венценосцев. В то же время известно, какое сильное взаимовлияние оказывали прусская и русская культура друг на друга. Нельзя забывать, что большинство невест для русских царственных особ были подысканы в германских герцогствах. Многие из них становились русскими императрицами. Может быть, в том числе и поэтому Белая Дама именно в качестве предсказательницы смерти прижилась в Петербурге».

Если верить фольклору, то впервые призрак Белой Дамы появился в Аничковом дворце. Говорили, что по дворцу бродит неприкаянная душа некой юной смолянки – воспитанницы Смольного института благородных девиц, которую будто бы совратил император Николай I, будучи еще наследником престола. Якобы бедная девушка с горя кинулась в Фонтанку и утонула.

По свидетельству одной из фрейлин, призрак Белой Дамы видели во дворце за несколько дней до кончины Николая I.

«С призраком несчастной смолянки встречались и другие русские императоры, – сообщает Наум Синдаловский. – Александру II еще в юности Белая Дама предсказала, что он благополучно переживет несколько покушений на собственную персону. На свидании с Николаем II она коснулась его уст „холодной ладонью“ и предсказала, что он станет последним русским царем. Видели призрак Белой Дамы в белом бальном платье и золотых туфельках незадолго до смерти императора Павла I и в Михайловском замке.

До революции призрак Белой Дамы несколько раз являлся гвардейцам Кавалергардского полка, шефом которого являлась императрица Александра Федоровна... Среди гвардейцев жила полковая легенда о том, что призрак женщины в белых одеждах появляется каждый раз накануне катастрофических событий. Так, по утверждению гвардейцев, один раз призрак Белой Дамы появился в Зимнем дворце накануне Первой мировой войны, второй раз – на бруствере окопа за два дня до отречения Николая II от престола».

Живет легенда о Белой Даме и в древнем Выборге. Говорят, она обитает в башенке замка и, когда над городом бушует непогода, ходит по башенке, заламывая руки, и жалобно стонет. По другой легенде, однажды у памятника основателю города Кнутссону пропала шпага. Ее вовсе не похитили злоумышленники, дело оказалось в другом: Кнутссон ринулся защищать честь Белой Дамы и в пылу атаки сломал свое оружие. Да и вообще, судачат, между призраками Кнутссона и Белой Дамы – давние романтические отношения...

Поговаривают, что с призраком Белой Дамы можно встретиться и сегодня. Будто бы время от времени он появляется в Саблинских пещерах. Говорят, что это тень некогда заблудившейся и погибшей женщины-спелеолога.

«Тот, кто повстречается с призраком Белой Дамы в Саблинских пещерах, обязательно поддастся ее манящим приветливым жестам и будет все дальше и дальше удаляться от входа, – предостерегает Наум Синдаловский. – В конце концов он обязательно заблудится в подземных лабиринтах и погибнет».

Дуэль за честь Екатерины

В сентябре 1825 г. вблизи Петербурга произошла дуэль, вызвавшая много толков. Поводом к поединку послужила любовная история, казалось бы, весьма банальная: знатный дворянин, наследник огромного состояния Владимир Новосильцев сначала обещал жениться на небогатой дворянке Екатерине Черновой, был даже помолвлен с нею, а затем обманул девушку. Брат невесты Константин Чернов посчитал это оскорблением и вызвал Новосильцева на дуэль...

Мать Новосильцева, Екатерина Владимировна, урожденная Орлова – дочь Владимира Григорьевича Орлова, одного из пятерых братьев Орловых, участвовавших в возведении на престол Екатерины II. В день ее коронации он был пожалован в графское достоинство. Владимир Орлов пользовался благосклонностью при дворе Екатерины, хотя придворная жизнь не пришлась ему по вкусу.

Екатерину крестила сама императрица. И так получилось, что, будучи фрейлиной, Екатерина Орлова дежурила у тела Екатерины II в первую ночь после ее смерти.

В 1799 г. Екатерина вышла замуж за бригадира (чин между полковником и генерал-майором) Дмитрия Александровича Новосильцева. Но, в отличие от брака ее родителей, этот союз не стал счастливым: через год супруги разошлись.

Однако в том же 1799 г. в недолго просуществовавшей семье родился сын Владимир. Заботам о нем Екатерина Владимировна, в замужестве Новосильцева, посвятила всю свою жизнь. Когда он подрос, она отдала сына в лучшее учебное заведение того времени – иезуитскую школу. Новосильцев окончил курс одним из первых и подавал большие надежды.

Он поступил в Лейб-гусарский полк, вскоре получил назначение адъютантом к главнокомандующему первой армии фельдмаршалу графу Сакену, а затем, в 1822 г., – флигель-адъютантом. Такую быструю карьеру он сделал не только благодаря своим личным качествам, но и из-за того, что граф Сакен был в свое время благодетельствован Новосильцевой.

Став флигель-адъютантом, Новосильцев переехал в Петербург. Не испытывая потребности в великосветском обществе, ограничивал свое знакомство кругом приятелей, занимался музыкой, рисованием и на этой почве познакомился с превосходным музыкантом и рисовальщиком Галяминым. Среди знакомых Галямина был поручик Главного штаба Скалон, который летом 1824 г., проводя съемки окрестностей Петербурга, познакомился с семейством генерал-майора Пахома Кондратьевича Чернова в его имении Большое Заречье.

В семействе Черновых было пять сыновей и четыре дочери. Одна из них, Екатерина, воспитанница Смольного института благородных девиц, особенно выделялась своей красотой. Приехав в Петербург, Скалон расхваливал Екатерину Чернову как единственную в мире красавицу. Именно Галямин и познакомил Владимира Новосильцева с Екатериной Черновой. Ему было двадцать пять лет, Екатерине – шестнадцать...

Новосильцев без памяти влюбился и сделал Екатерине предложение. Причем не спросив матери! Состоялась даже помолвка. Когда он написал обо всем матери в Москву, она ответила категорическим отказом: мол, Екатерина Чернова нам, потомкам самого графа Орлова, не ровня: «Вспомни, кто ты! Твоя жена не может быть какой-то Пахомовой!». Она приказала сыну немедленно прекратить всякие сношения с семейством Черновых. Владимир сам отправился в Москву, чтобы уговорить мать дать согласие на женитьбу. Черновым он обещал вернуться через три недели, но, подчиняясь требованиям матери, прекратил переписку и не только не вернулся к назначенному сроку, но и оставил семью Черновых в течение трех месяцев без всякой вести о себе.

Черновы решили, что Новосильцев хочет порвать с их семейством без всяких объяснений. Подобная ситуация обернулась бесчестьем для девушки. Братья Екатерины Черновой – Константин и Сергей – решили потребовать «сатисфакции».

Дуэль назначили на январь 1825 г. Новосильцева-мать приложила все усилия, чтобы предотвратить поединок. Она обратилась к посредничеству московского генерал-губернатора князя Голицына, и в его присутствии Новосильцев объявил, что никогда не оставлял намерения жениться на Черновой. В ответ Константин Чернов извинился за свои сомнения в его честности. Тогда же Новосильцева написала родителям Екатерины Черновой, что согласна на брак сына с их дочерью. Свадьба должна была состояться в течение шести месяцев.

Между тем полгода прошли, а Новосильцев снова не спешил выполнять свое обещание. Чернов получил письмо отца, где говорилось, что фельдмаршал граф Сакен, очевидно, по просьбе матери Новосильцева, под угрозой больших неприятностей заставил его послать Новосильцеву письменный отказ. После этого Чернов снова решил вызвать Новосильцева на дуэль. Его секундантом согласился быть Кондратий Федорович Рылеев.

Вероятно, дело могло бы разрешиться мирно. Но вокруг было слишком много тех, кому бы хотелось громкого резонанса, причем политического. И Константин Чернов, и Кондратий Рылеев – участники Северного тайного общества (декабристов), мечтавшие о справедливом переустройстве общества, где правит закон, а не прихоть власть предержащих. Владимир Новосильцев олицетворял для них несправедливость этого общества...

Рылеев написал последнее письмо Чернова к Новосильцеву, а Александр Бестужев, тоже член Тайного общества, – записку Чернова. В ней, в частности, говорилось: «... Стреляюсь на три шага, как за дело семейственное, ибо, зная братьев моих, хочу кончить собою на нем, на этом оскорбителе моего семейства, который для пустых толков еще пустейших людей преступил все законы чести, общества и человечества. Пусть я паду, но пусть падет и он в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмеялись над невинностью и благородством души».

Дуэль состоялась 10 сентября 1825 г. в шесть часов утра на окраине парка Лесного института. Условия поединка установили самые жесткие: стреляться с восьми шагов. Кроме участников дуэли и секундантов, присутствовало еще несколько десятков человек – офицеров-семеновцев и членов Тайного общества, желавших выразить поддержку Чернову.

Развязка оказалась жестокой: противники смертельно ранили друг друга. Рылеев увез Чернова на свою квартиру в Семеновских казармах, где тот скончался через двенадцать дней, 22 сентября 1825 г. Похороны Чернова состоялись 27 сентября. Тайное общество превратило их едва ли не в первую в России политическую демонстрацию, прозвучавшую на весь Петербург.

Похоронная процессия, состоявшая из более двухсот карет и нескольких тысяч людей, прошла через весь город от казарм Семеновского полка до Смоленского кладбища на Васильевском острове. На кладбище Вильгельм Кюхельбекер прочитал стихотворение, заканчивавшееся словами: «... Я ненавижу их, клянусь, / Клянуся честью и Черновым!».

В.Д. Новосильцев

Весь Петербург был настроен против «мадам Новосильцевой». «Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тут, безмолвно сочувствуя тому, кто собой выразил общую идею, сознаваемую каждым, – идею о защите слабого против сильного, скромного против гордого», – писал в воспоминаниях Оболенский. Таким образом, дуэль получила политический оттенок, при этом поводом для дуэли была и сама Екатерина Чернова.

Про нее вскоре тоже забыли. И уже мало кого интересовало, что семь лет спустя, в 1832 г., она вышла замуж за полковника Николая Михайловича Лемана. Он происходил из незнатной и небогатой русской дворянской семьи, прославился в Русско-турецкую войну 1828–1830 гг. Екатерина родила восьмерых детей – четырех сыновей и четырех дочерей...

А что же Владимир Новосильцев? К раненому пригласили известного медика Николая Федоровича Арендта – того самого, который спустя двенадцать лет попытается спасти Пушкина, смертельно раненного. Лекарь объявил, что рана Новосильцева не оставляет надежд.

Перед смертью Новосильцев говорил: «Сокрушаюсь только о том, что кончиною моей наношу жесточайший удар моим родителям, но вы знаете... честь требовала, чтобы я дрался, я уверен, что для них легче будет видеть меня в гробу, нежели посрамленного, и они простят мой поступок, судьбами мне предназначенный».

Он умер через пять дней после поединка, 14 сентября 1825 г. Последними словами Новосильцева стало несколько раз повторенное: «Моя бедная мать». В начале октября катафалк с покойным отправили в Москву: тело забальзамировали, а сердце, закупоренное в серебряном ковчеге, мать везла с собой в карете.

Надгробие В.Д. Новосильцева в подклете собора Новоспасского монастыря. Скульптор В.И. Демут-Малиновский

Новосильцева похоронила своего единственного сына в фамильном склепе Новоспасского монастыря в Москве. Рядом она заготовила место для себя. Над могилой сына она поставила памятник – бронзовую плачущую фигуру, выполненную по проекту выдающегося скульптора В.И. Демут-Малиновского. Памятник, который искусствоведы считают шедевром монументального искусства, сохранился до сих пор, несмотря на все зигзаги судьбы Новоспасского монастыря после революции. В нем во время Гражданской войны был концентрационный лагерь, с 1935 г. монастырем распоряжалось хозяйственное управление НКВД. В 1990 г. в обитель вернулась монашеская жизнь...

Оплакивая утрату сына, мать вся отдалась молитвам и до самой своей кончины в 1849 г. не снимала траура. Она посвятила свою жизнь милосердию и благотворительности. Активно участвовала в делах Женского патриотического общества, учредила сеть училищ, названных в ее честь «Екатерининскими», где девочки осваивали грамоту и швейное мастерство.

Через девять лет после дуэли, в 1834 г., на месте постоянного двора близ места дуэли, куда перенесли смертельно раненого сына, Новосильцева заложила церковь во имя Св. равноапостольного князя Владимира, спустя четыре года храм освятили. В богослужении участвовал священник церкви Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне Барсов, исповедовав-

ший Новосильцева перед смертью. Со временем у петербургских офицеров сложился обычай: в случае грозящей им опасности (например, перед дуэлью) приходиться молиться в эту церковь.

Памятник на месте дуэли в парке Лесотехнического университета. Круглые плиты отмечают позиции, где стояли дуэлянты

В зданиях, стоявших рядом с храмом, Новосильцева устроила богадельню, поступившую в ведение Совета Императорского Человеколюбивого общества. Непосредственное место дуэли, по желанию Новосильцевой, отметили круглыми гранитными плитами. Спустя полтора века, в 1988 г., на месте дуэли установили гранитную стелу. В церемонии ее открытия участвовали потомки Черновых. Постройки Орлово-Новосильцевского заведения сохранились до наших дней, но храм во имя Св. равноапостольного князя Владимира, стоявший между ними, уничтожили в 1932 г.

Остается добавить, что история трагической дуэли не забыта. Она стала одной из самых красивых любовных романтических легенд Петербурга. Что же касается оценок, то приведем мнение историка Ивана Толстого: «Политическая заряженность, невротизированность этой истории очень убедительно показана Яковом Гординым. Но в действиях черновской стороны видна и безжалостная провокация... Светлый облик Рылеева, признаться, сильно мутнеет. Смущает и характер Чернова-старшего: как мог генерал не понимать, что такое порох отказа!.. Не правильнее ли называть подобную честь скорее барством диким – барством наизнанку?».

Пистолеты, свинец и дробь...

Нет, наверное, в Петербурге более трогательной и романтической легенды, чем история о трагической любви Ромео и Джульетты по-петербургски – Карла и Эмилии. В законченной литературной форме легенда эта впервые прозвучала, пожалуй, в воспоминаниях Льва Успенского «Записки старого петербуржца», впервые увидевших свет в 1970 г.

Согласно версии Льва Успенского, в одной из немецких колоний близ Лесного, дачного пригорода в северных окрестностях, жили некогда две семьи. К одной принадлежал юный Карл, к другой – прекрасная Эмилия. Молодые люди без памяти любили друг друга, но родители, узнав об их любви, отказали им в женитьбе: Карл, по их мнению, еще недостаточно зарабатывал.

Прошло десять лет, Карл и Эмилия снова попросили родительского согласия, но снова получили отказ. Прошло еще двадцать лет, и влюбленные вновь обратились за благословением, но опять услышали твердое родительское «нет». И пятидесятилетние Карл и Эмилия, отчаявшись добиться согласия родителей, взявшись за руки, бросились в пруд.

Когда наутро их тела вытащили баграми, то все увидели, что и мертвыми Карл и Эмилия продолжают держаться за руки. Даже смерть не смогла разлучить их. И тогда по совету местного пастора прихожане назвали их именами слободскую улицу, чтобы отметить столь удивительную любовь и не менее удивительное послушание родителям...

За долгие годы легенда обросла домыслами и выдумками, поэтому узнать, как же все произошло на самом деле, уже никогда не удастся. Одно можно сказать: Карлу и Эмилии никак не могло быть пятьдесят лет, когда они покончили с собой. Согласитесь, их поступок совсем не свойственен умудренным опытом людям. Более чем вероятно, что они были молоды, как Ромео и Джульетта. По одной версии, они утопились в пруду, по другой – вместе приняли яд, по третьей – застрелились. Есть и совсем неправдоподобная версия – как будто бы они пронзили друг друга шпагами.

Многое в этой легенде проясняет то, что дело происходило в немецкой колонии, ведь их обитатели жили особым, замкнутым миром, свято соблюдали незыблемые традиции, не допуская ни малейшего отступления от устоев.

Впрочем, легенда легендой, а архивные материалы подтверждают, что эта история произошла на самом деле. Впервые ею заинтересовались в 1916 г. члены Кружка изучения Лесного при Коммерческом училище, что находилось на Институтском проспекте. Одному из них, Сергею Безбаху, удалось разыскать местного колониста-старожила, еще помнившего о том трагическом случае. Его уникальные воспоминания, сделанные на немецком языке и потом переведенные на русский, сохранились в архиве кружка.

Выяснилось, что молодого человека звали вовсе не Карл, а Луи Брудерер, а девушку – Эмилия Каретан (именно так значилось в переводе с воспоминаний, написанных по-немецки, хотя в оригинале фамилия звучала как Keritin). Их тела нашли рано утром в четверг 4 августа 1855 г. в Беклешовом лесу, вблизи торфяных болот по направлению к Парголово и Мурино.

По воспоминаниям, «они лежали с воскресенья вечера несколько дней на этом месте и имели все признаки разложения. Она была менее обезображена, хотя целый мир насекомых глотал обоих мертвецов, его лицо окрашено было в зеленовато-синий цвет, что делало лицо неузнаваемым. В обоих телах пули прошли сквозь сердце. Она умерла моментально, он, по видимому, сильно страдал». При досмотре места происшествия при молодом человеке нашли 18 пуль в коробке, портмоне с 2 рублями 85 копейками серебром, письмо на имя возлюбленной, в кармане пальто – кинжал, а под пальто – бутылочку, наполненную до половины порохом.

По словам старожила, причиной к столь «печальному поступку», когда, очевидно, Карл сначала застрелил Эмилию, а затем покончил с собой, послужило несогласие на брак матери

девушки, а также тот факт, что судьба предназначала Карлу стать солдатом. Вспомним, что в это время шла Крымская война. После судебного вскрытия, согласно тем же воспоминаниям, тела покойников положили в два гроба и опустили на опушке леса в могилу. «Могила ежедневно украшалась зеленью и цветами, причем рисунок представлял собой крест. Впоследствии был водружен там простой крест».

Однако, как оказалось, это не единственное воспоминание о той трагической истории. В «Петербургском листке» в августе— сентябре 1883 г. опубликовали серию материалов под названием «Карл и Эмилия. (Давняя драма в Лесном)». Автор этих публикаций писал под именем «Новый псевдоним» (в ту пору практически все материалы в газетах подписывались литературными псевдонимами).

Упомянутый автор «Петербургского листка» провел собственное историко-журналистское расследование истории Карла и Эмилии. Версия, предложенная им, коренным образом отличается от традиционной легенды. Тем не менее у нас нет повода не доверять «Новому псевдониму». Ведь он провел свое расследование в 1883 г., когда со времени трагедии прошло всего 28 лет (а не 61 год, как в 1916 г.) и некоторые жители Гражданки еще хорошо помнили подробности. Кроме того, он предельно точно описал и надпись на могиле, и ее местоположение.

Газетчик собрал немало сведений местных старожилов, а затем ему удалось побеседовать с немцем-колонистом Августом из Гражданки, оказавшимся, по воле случая, непосредственным свидетелем той трагической истории. В 1855 г. ему было 14 лет. В тот злополучный день он собирал в лесу землянику и заметил двух незнакомых людей – прилично одетого молодого человека и молодую девушку лет 17–18, в белом платье и с венком из полевых цветов на голове. Мальчик догадался, что молодые люди – из тех петербургских гостей, что иногда приезжали из столицы сюда, в лесную глушь, для прогулок и сбора ягод и грибов.

Юноша и девушка шли под руку, причем очень медленно. Потом девушка внезапно остановилась и вполголоса сказала (по-немецки): «Здесь так хорошо... Умрем здесь, милый Карл». Они опустились на колени, и девушка, взяв в руки маленькую Библию, долго читала вслух молитву. «Я готова. Прощай, милый Карл», – сказала она потом. Он схватил ее за руки и стал целовать их: «Зачем ты сказала „прощай“? Ведь мы никогда не расстанемся!». – «Да, да, не расстанемся!» – отвечала девушка. Прошло еще несколько томительных секунд, юноша достал из кармана пальто небольшой пистолет, прозвучало два выстрела.

Бледный как смерть, 14-летний Август бросился бежать домой, в колонию Гражданку. Он рассказал все увиденное отцу, и тот велел: «Никому не говори ни слова, иначе тебе будет худо!». Гуго в точности исполнил приказание. А на другой день, рано утром, в Гражданку приехал из Петербурга богатый немец-фабрикант, пользовавшийся в Петербурге известностью и уважением, а вместе с ним – несколько полицейских чинов.

Вскоре жители Гражданки узнали, что накануне дочь фабриканта, одевшись в белое венчалное платье, приготовленное к ее предстоящей свадьбе, тайно ушла из дома. Поиски по друзьям и знакомым оказались тщетными, и отец обратился к полицмейстеру. На ноги подняли полицию, и уже ночью нашли ту извозчицью карету, что накануне утром привезла молодых людей в Лесной. По показаниям извозчика, они расплатились за экипаж в Сосновке, на дороге в Гражданку. Поэтому поиски и направлялись именно сюда.

Полиция подняла на ноги всех колонистов Гражданки, требуя, чтобы они отправились в лес на поиски. Фабрикант объявил, что выдаст сто рублей тому, кто первым найдет его пропавшую дочь. Гуго, вместе с отцом, также отправился в лес, и прямо привел его к тому месту, где случилась трагедия. Фабрикант, увидев бездыханное тело дочери, лишился чувств, его на руках отнесли в карету и увезли в Петербург...

История их трагической любви была такова: красавица Эмилия – единственная дочь немца-фабриканта. В его конторе служил молодой человек по имени Карл, получивший обра-

зование за границей и приходившийся фабриканту дальним родственником. Молодые люди, встречаясь очень часто, полюбили друг друга, и юноша решился просить руки девушки у своего богатого родственника и патрона. Однако тот ответил отказом и выгнал юношу со службы, пригрозив ему высылкой за границу при помощи властей, если он осмелится хоть один раз увидеться с его дочерью. Видя, что это не помогло и его дочь грустит и тоскует по своему любимому, отец задумал выдать ее поскорее замуж. Нашелся очень скоро и жених: им оказался старый приятель фабриканта, вдовец, тоже немец и коммерсант, сорока лет с лишним да еще вдобавок с кучей детей от первой жены.

Жених хотел, чтобы свадьбу сыграли как можно скорее. Отец девушки согласился, и через две-три недели приданое уже было готово, в том числе и белое венчальное платье. Тем временем Карл и Эмилия продолжали тайно встречаться каждый день. Бойкая русская горничная, служившая в доме отца-фабриканта, была посвящена в тайну их любви и усердно способствовала их переписке и свиданиям. В те времена барышни еще не отличались «эмансипированностью», поэтому побеги из родительских домов и гражданские браки являлись большой редкостью. Обвенчаться же тайно, по лютеранскому обряду, представлялось невозможным. Бежать за границу, не имея заграничных паспортов, которые из-за шедшей тогда Крымской войны получить было очень трудно, молодые люди не могли. Поэтому сложившееся положение представлялось возлюбленным до отчаянности безысходным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.